

УДК 94(4+7)"16/17"
DOI 10.52452/19931778_2022_3_46

ВОЕННЫЙ ПЛЕН В СТРАНАХ ЗАПАДА В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ: ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ОСНОВНЫХ ИНСТИТУТОВ И ПРАКТИК

© 2022 г.

В.В. Познахирев

Частное учреждение – образовательная организация высшего образования
«Университет «Реавиз», Санкт-Петербург

vvr@list.ru

Поступила в редакцию 10.03.2022

Цель настоящей статьи заключается в реконструкции процесса эволюции военного плена в странах Западной Европы и в США в постфеодальный период. Методологическую базу исследования составили в основном историко-сравнительный и историко-типологический методы. В ходе достижения поставленной цели выявлены факторы, оказавшие наибольшее влияние на трансформацию средневековой модели плена; конкретизированы причины упразднения таких явлений, как частный плен и выкуп; систематизированы и представлены новые, до сих пор не освещенные в отечественной историографии институты и практики плена, как то: утверждение принципов гуманности и взаимности, сохранение пленником статуса лично свободного человека, формирование систем межгосударственного и внутригосударственного контроля за положением пленников, их обязательная послевоенная репатриация и др. Подчеркнуто, что указанные позитивные изменения коснулись преимущественно рядовых солдат, которые в предшествующие периоды были практически ничем не защищены от произвола своих захватчиков.

Ключевые слова: держащая в плену держава, картель, комбатанты, обмен пленными, комиссар по делам военнопленных, пароль, театр военных действий.

Военный плен эпохи раннего Нового времени, особенно второй половины XVII – XVIII вв., до конца минувшего столетия практически не привлекал к себе внимания ни отечественных, ни западных историков. Для первых сама эта тема являлась до некоторой степени табуированной. Вторые же исходили из того, что по завершении Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. плен утратил свои яркие, проблемные черты и вплоть до Великой французской революции (1789 г.) оставался рутинным и лишеным какой-либо актуальности [1, р. 115; 2, р. 420–421].

Однако в последние десятилетия отношение к данной проблеме принципиально изменилось. Сегодня историография военного плена XVII–XVIII вв. насчитывает уже десятки журнальных статей, а также ряд монографий. При этом российские и зарубежные ученые рассматривают плен в самых разных контекстах. Это и отдельные вооруженные конфликты [3; 4], и развитие некоторых практик, главным образом связанных с освобождением пленников «на пароль» и «обменными картелями» [5; 6], и положение в плену лиц тех или иных категорий, включая детей и женщин [7], и, наконец, судьбы соотечественников, находящихся во власти противника [8; 9]. Появились даже первые сравнительные исследования, в которых сопоставляются режимы военного плена одновременно «по обе стороны фронта» [10; 11].

Вместе с тем ни в России, ни за ее пределами историки пока еще не перешли к широким обобщениям, позволяющим если и не полностью реконструировать западную модель военного плена, то по крайней мере обозначить ее основные контуры. Сказанное свидетельствует о новизне настоящей работы и детерминирует ее цель – частично восполнить указанную историографическую лауну. Актуальность исследования видится в том, что оно может способствовать уточнению наших представлений о месте России в мире в раннее Новое время, а также даст возможность выявить неизвестные ранее особенности и модернизации страны в XVIII столетии, и ее последующего развития. При выполнении работы нами использовались преимущественно историко-типологический и историко-сравнительный методы.

Переходя непосредственно к теме, отметим, что по мере распада феодальной системы европейская модель военного плена испытывала на себе влияние ряда факторов. В первую очередь это, конечно же, укрепление монархической власти, сумевшей подчинить себе интересы отдельных подданных и тем самым положить конец существованию «частных армий», «частных войн» и «частного плена». В результате обезоруженный враг перестал быть предметом военной добычи для лица, которое его непосредственно захватило (как правило, в целях пора-

бощения или получения выкупа), ибо все вопросы управления пленными закономерно перешли в сферу компетенции государства.

Другим фактором стал рост масштабов и интенсивности вооруженной борьбы, сопровождавшийся созданием многочисленных регулярных армий с правильно организованным тыловым обеспечением. Такие армии ставили солдата в гораздо большую зависимость от государства, нежели прежде, т. к., с одной стороны, ограничивали его право на военную добычу, а с другой – предоставляли ему пищу, одежду, кров и денежное жалованье. Соответственно, выросла и зависимость государства от собственных солдат, поскольку их подготовка и содержание требовали времени и средств, а замена этих людей путем призыва новых контингентов могла превратиться в серьезное испытание для экономики, особенно для сельского хозяйства.

Свое влияние на модель военного плена также оказало сокращение практики массового захвата гражданских лиц и массового убийства пленных (за исключением штурмов упорно защищаемых крепостей). Детерминировалось это, с одной стороны, утверждением международно-правовой нормы, предусматривающей запрет на порабощение христианами своих единоверцев, а с другой – переходом от религиозных войн к кабинетным, в условиях которых жестокость по отношению к врагу перестала считаться неотъемлемой частью борьбы за контроль над географическим и социально-политическим пространством.

Еще одним фактором стало повсеместное включение в мирные трактаты пункта о полном взаимном обмене пленными без всякого выкупа. Этому в разной степени способствовали такие обстоятельства, как уже отмеченная этизация военного плена, стремление властей обеспечить скорейшее возвращение на родину всех своих подданных, использование разницы в числе пленников для достижения (на стадии переговоров) иных политических целей, влияние Церкви, допускавшей существование выкупа для христиан лишь во время войны, но не после ее окончания, и др.

Наконец, надо отметить и такие факторы, как распространение в образованных слоях общества идей о необходимости более гуманного отношения к пленникам, а также сохранение европейскими элитами лучших традиций средневекового рыцарства, предполагающих, в частности, что все офицеры, независимо от их государственной принадлежности, являются Джентльменами с общими культурными ценностями. В результате – положение офицеров в плену в раннее Новое время, в сравнении с предшествующей эпохой, существенно не изме-

нилось. Другими словами, находясь во власти противника, эти люди продолжали пользоваться правом не только на ношение оружия, но и на поддержание привычного для себя уровня жизни.

Совокупное воздействие перечисленных факторов инициировало формирование ряда взаимосвязанных институтов и практик. В частности, категория «пленный» приобрела большую определенность, поскольку к числу таковых стали относить по преимуществу комбатантов. Кроме того, все пленники находились теперь во власти только держащей в плену державы, сохраняли статус лично свободных людей и, по заключении мирного договора, подлежали обязательной репатриации.

Следует также иметь в виду, что упомянутая выше зависимость государства от солдата активизировала обмена пленными. Это позволяло враждующим сторонам регулярно избавляться от чужих военнослужащих и, одновременно, возвращать в строй собственных. В свою очередь, сущность выкупа, бывшего на протяжении столетий краеугольным камнем всей системы плена, в корне изменилась. Отныне он выплачивался из средств казны, а применялся государством исключительно в военное время и, как правило, лишь в качестве дополнения к обмену (при невозможности для одной из сторон представить другой равное число пленников).

Главным юридическим основанием обменов стали «картели», а вернее – двухсторонние договоры о размене и (или) выкупе военнопленных. Центральным элементом такого договора выступала таблица соответствия воинских званий и иных социальных характеристик его субъектов как друг другу, так и некоему денежному эквиваленту, что позволяло еще в ходе вооруженной борьбы взаимно освобождать пленников вне зависимости от их количества, чинов, должностей или размера жалования.

К сказанному необходимо добавить, что порядок финансирования военнопленных зависел именно от наличия или отсутствия картеля. В первом случае стороны обеспечивали пленников всем необходимым из собственных средств, а расходы погашали в процессе регулярных взаиморасчетов. В отсутствие же договорных отношений государства перечисляли своим подданным, находящимся во власти противника, причитающееся им денежное довольствие.

Впрочем, картели заключались далеко не всегда, а действующие порой распадались. Соответственно, взаиморасчеты на этом заканчивались, а обмены людьми становились нерегулярными, т. к. производились теперь лишь на основе разовых соглашений. Что же касается жалования, то ввиду естественных для военного

времени трудностей с коммуникациями, столь же естественного для воюющего государства дефицита бюджета, а также ряда иных причин пересылка денег нередко либо прекращалась вообще, либо производилась от случая к случаю и, как правило, в неполном объеме. В итоге, содержание пленных солдат (но не офицеров, о которых речь пойдет ниже) все чаще становилось уделом лишь той страны, которая их захватила. Данное обстоятельство создавало всевозрастающее давление на бюджеты держащих в плену держав. При этом в зарубежной литературе нередко подчеркивается, что пленные буквально «разоряли казну», а некоторые историки видят во всем этом даже первые признаки будущей «войны на истощение» [1, р. 130; 4, р. 58–59, 61].

Правда, при более детальном анализе ситуация выглядит уже не столь драматичной. Так, по данным П. К. Криммин, в 1798 г. Лондон истратил на содержание пленников «рекордную сумму в 3 млн фунтов» [12, р. 18]. Между тем, согласно документам британской Палаты общин, в 1798 г. 3 млн фунтов составляли лишь около 0.06% расходной части английского бюджета (≈ 5 млрд фунтов) и не превышали 0.02% тогдашнего ВВП страны (≈ 15 млрд фунтов) [13].

Сказанное дает основания полагать, что «разорение казны» грозило все-таки не каждому государству, а те державы, которые обладали устойчивым административным аппаратом и гибкой финансовой системой, сравнительно легко справлялись с обозначенной проблемой. Более того, названные государства даже стремились... всемерно улучшить положение вражеских пленных, поскольку это давало им целый ряд преимуществ, включая возможности: продемонстрировать неприятелю (а равно третьим странам и собственным подданным) свое экономическое, военно-политическое, моральное и культурное превосходство; повысить вероятность того, что в дальнейшем противник будет чаще и охотнее сдаваться в плен, а также побудить иностранных пленников, уже находящихся в их власти, перейти на службу в вооруженные силы держащей в плену державы и (или) принять ее подданство.

Кроме того, забота о вражеских пленниках могла придать военнслужащим своей армии уверенность в том, что, оказавшись в плену, они встретят такое же гуманное к себе отношение, которое солдаты и офицеры противника встречают на их родине. (По общему правилу солдат, исчерпавший возможности к сопротивлению, имел право сдаться, дабы сохранить свою жизнь и здоровье и вернуться в строй в результате очередного обмена пленными. Сомнения в гу-

манизме врага побуждали солдата продолжать борьбу даже при отсутствии шансов на успех, что могло привести к его безвозвратной потере.)

Нелишним будет также заметить, что, аккумулируя значительное число пленных, государство получало возможность использовать этих людей в качестве «политического и финансового актива», значение которого особенно возрастало на стадии мирных переговоров.

Наконец, гуманное отношение к пленникам позволяло добиваться от неприятеля взаимности, т. е. обоснованно требовать от него таких же улучшений и для своих пленных соотечественников. К примеру, уже на начальном этапе Семилетней войны 1756–1763 гг. Британия резко увеличила нормы продовольственного обеспечения пленных французов (вплоть до выдачи им пива), чем вынудила Париж сделать то же самое в отношении пленных англичан. Следующим шагом стало требование предоставить каждому госпитализированному во Франции британцу одеяло «такого же размера и качества, которое получают пленные французы в Англии», а также отдельную кровать, «вне зависимости от того, принято ли в госпиталях Франции выделять персональную кровать каждому больному французу» [14, р. 79].

Что же касается пленного «офицера и джентльмена», то при неполучении жалованья от собственного правительства он всегда мог, благодаря своему элитарному статусу, брать займы практически у любых физических и юридических лиц. Впрочем, если последнее оказывалось невозможным, власти держащей в плену державы, как правило, не оставляли офицера на произвол судьбы. В частности, ему могли предоставить содержание на уровне пленного унтер-офицера, как это делали, к примеру, датчане в период Северной войны 1700–1721 гг., или обеспечить по крайней мере хлебом по солдатской норме, как это практиковали, скажем, испанцы в ходе Войны за испанское наследство 1701–1714 гг., а равно «Войны из-за уха Дженкинса» 1739–1742 гг. [3, р. 30, 64; 11, р. 45; 15, р. 170]. Наконец, офицер мог просто вернуться на родину и жить там за собственный счет. Для этого ему требовалось лишь подписать т. н. «парольное соглашение», т. е. дать обязательство (обеспеченное его честным словом) не участвовать в боевых действиях против держащей в плену державы и ее союзников на протяжении какого-то времени или даже вплоть до окончания войны [16].

Перечисленные процессы сопровождались совершенствованием структуры управления пленными и формированием органов, призванных контролировать условия их содержания. Если

говорить детальнее, то в первую очередь надо отметить, что сама система управления военнопленными обычно возглавлялась монархом. Ступенью ниже находились две равные по значимости фигуры: глава МИД, а также должностное лицо (или коллегиальный орган), ответственное за содержание пленников. Это мог быть: Морской министр (Британия), Военный министр (Австрия), оба названных министра одновременно (Испания и дореволюционная Франция), Генеральный комиссар по делам военнопленных (США), Генерал-гевальдигер (Дания), Полевой генерал-аудитор (Пруссия), Государственный совет обороны (Швеция), Комитет общественной безопасности Национального Конвента (революционная Франция) и др.

В пределах обозначенных ведомств непосредственное управление пленниками возлагалось на одно из подразделений. Самым известным из них, пожалуй, являлась Комиссия британского адмиралтейства по делам больных и раненых моряков и попечению о военнопленных (The Commissioners for taking Care of Sick and Wounded Seamen and for the Care and Treatment of Prisoners of War). В ведении этого органа находились: администрация мест интернирования военнопленных; агенты, отвечающие за распределение денежных средств; поставщики, обеспечивающие пленников всем необходимым; подрядчики, выполняющие ремонтно-строительные работы, и иные лица.

Среди основных функций Комиссии назовем следующие: организация и проведение эвакуации военнопленных европейских наций из различных регионов мира на Британские острова (до 1775 г. и в Северную Америку); размещение пленных в пунктах интернирования и обеспечение их всеми видами довольствия; контроль за соблюдением действующих правовых предписаний; рассмотрение жалоб пленных и принятие по ним решений; освобождение офицеров (или смягчение режима их содержания) на условиях «парольного соглашения»; организация обменов пленными (при отсутствии картеля) и др. [4, p. 59; 17, p. 48–49, 54, 56–57].

Помимо ведомственного (внутригосударственного) контроля существовал и межгосударственный. Последний возлагался на комиссаров (Prisoners of War Commissioners) из числа соотечественников пленных, которые постоянно работали в стране противника на основе взаимности. Данную разновидность контроля мы дифференцируем на две формы.

Суть первой состояла в том, что комиссары (по одному от каждой стороны) подбирались и согласовывались главами МИД, а затем утверждались монархами обеих воюющих держав.

Подчинялись комиссары руководителю своего внешнеполитического ведомства, но текущие вопросы решали, разумеется, во взаимодействии с министром иностранных дел (а иногда и с премьер-министром) страны пребывания [18, p. 90–91, 95–96, 103]. Что касается обязанностей комиссаров, то они состояли, главным образом, в следующем: ведение переговоров об обмене пленными (при отсутствии картеля) и реализация достигнутых соглашений (в т. ч. фрахт судов, закупка одежды и продовольствия, оформление документов и пр.); осуществление регулярных проверок порядка содержания соотечественников в пунктах интернирования и уровня их обеспечения различными видами довольствия; информирование своего МИД о выявленных нарушениях и заявление властям страны пребывания ходатайств об их устранении; предоставление пленным денежной и иной помощи и др. [15, p. 173].

Вторая форма отличалась от предыдущей тем, что число комиссаров и объем их полномочий определялись соглашением между главнокомандующими противоборствующих сторон. (Судя по всему, такое соглашение не зависело от наличия или отсутствия картеля.) Работали эти люди как в пределах театров военных действий (т. е. фактически сопровождали армию противника), так и в местах массового расквартирования пленников (в последнем случае обязанности комиссара могли быть возложены и на старшего из пленных). Задачи названных лиц, по сути, совпадали с уже описанными выше и состояли в том, чтобы заботиться об интересах своих соотечественников, добиваться гуманного обращения с ними и всемерно способствовать их скорейшему обмену. Для этого комиссары имели право посещать пункты размещения пленных в любое время и находиться там столько, сколько сочтут нужным. Именно они выдавали пленникам поступающее им жалованье, письма и посылки; снабжали их дополнительной пищей, одеждой и обувью; получали и распределяли среди них неадресную помощь с родины. Кроме того, комиссары проверяли условия содержания пленных, фиксировали их жалобы и регулярно направляли письменные отчеты своему командованию [19, s. 117].

Анализируя процесс реализации исследуемой модели, западные историки выделяют некоторые ее недостатки. Главнейшим из них считается чрезмерно расширенный состав пленников, а вернее – тот факт, что во власти воюющих государств регулярно оказывались не только комбатанты, но и гражданские лица практически всех категорий, не исключая детей и женщин [17, p. 50].

С такой претензией трудно не согласиться, тем более что воинские уставы тех лет, как правило, не содержали перечня лиц, не подлежащих плену. Правда, обычай относил к таковым всех женщин и мальчиков, не достигших возраста 12 лет. Однако конкретные жизненные обстоятельства порой оказывались сложнее. Известно, например, что значительную часть рассматриваемых «пленников» составляли солдатские жены и дети, добровольно последовавшие в плен вместе с главами своих семейств. Поскольку препятствовать выбору этих людей, т. е. посягать на принцип «жена следует за мужем», как правило, никто не решался, властям державшей в плену державы не оставалось ничего иного, как признать названных лиц либо «военнопленными», чем возложить на себя дополнительные расходы, либо «иностранцами, прибывшими по частным делам, без права на какое-либо пособие», чем обречь семьи пленников на самостоятельное выживание со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Помимо солдатских жен и детей, «в плену» часто оказывались и иные нонкомбатанты, захваченные при самых разных обстоятельствах. Это могли быть: чиновники гражданской администрации; обыватели, используемые армией на тыловых работах; пассажиры морских судов, включая (опять же) детей и женщин; отставные солдаты, еще носившие какие-то предметы военного обмундирования; рыбаки, занимавшиеся своим промыслом, и многие другие.

Дальнейшая судьба этих людей могла зависеть от сочетания целого ряда факторов. В одних ситуациях от них стремились как можно скорее избавиться и просто передавали противнику. В других, напротив, удерживали под теми или иными предлогами, надеясь при случае получить что-нибудь взамен. Так, в 1745 г., т. е. в разгар Войны за австрийское наследство (1740–1748 гг.), Франция предлагала Британии обменять свыше двухсот английских женщин (частью с детьми), захваченных в ходе крейсерских операций в Атлантике, на... своих пленных комбатантов. Лондон ответил в том смысле, что претензия нации на цивилизованность проверяется ее отношением к *beau sexe*, и фактически призвал Париж одуматься. Очевидно, это подействовало, т. к. после вялой попытки продолжить диалог англичанок все-таки вернули на родину «безвозмездно» [14, р. 68–69].

Что касается иных недостатков рассматриваемой модели, то среди таковых зарубежные историки чаще всего называют сохранение института частного плена (пусть даже и в ограниченном виде) [14, р. 56–74]. Кроме того, отмечается, что пленники насильно вербовались в во-

оруженные силы противника, принуждались к труду, размещались на тюремных судах и содержались в оковах [3, р. 17, 30; 4, р. 58–59; 20, р. 436, 438, 441–442; 21, р. 74; 22].

Из всего перечисленного мы полностью солидарны с иностранными коллегами лишь в оценке тюремных судов. Все прочее выглядит менее однозначным. Например, есть все основания полагать, что жертвами частного плена могли стать лишь отдельные лица, захваченные преимущественно каперами и сокрытые ими от надзора со стороны правительственных чиновников. Последнее же, как представляется, было делом трудновыполнимым и крайне рискованным, т. к. грозило каперу лишением патента, конфискацией судна и тюремным заключением.

То же самое можно сказать и в отношении насильственной вербовки, которая в сколь угодно значимых масштабах практиковалась лишь Пруссией в период Семилетней войны (1756–1763 гг.). Главная причина тому – неблагонадежность подобных военнопленных. Как обоснованно отмечается в иностранной литературе, «армии раннего Нового времени были гораздо более зависимы от согласия солдат, нежели принято считать, и факты их («солдат». – В.П.) массового дезертирства обычно удерживали государства от такой вербовки» [3, р. 17]. Другое дело, что пленники нередко сами позволяли себя завербовать, поскольку одни надеялись при первом же удобном случае перейти к своим, вторые стремились облегчить (или разнообразить) пребывание на чужбине, третьи подумывали о новой родине и т. д.

Что касается нареканий, связанных с принуждением пленных к выполнению тех или иных работ, то надо признать, что труд этих людей, действительно, был не всегда добровольным. Но, насколько нам известно, он всегда носил возмездный характер. Сочетание же «принуждения» и «возмездности», само по себе, не может служить свидетельством негуманного отношения к пленникам, и сохранение названного сочетания в действующей Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. «Об обращении с военнопленными» (ст. ст. 49 и 62) является лучшим тому подтверждением [23, с. 66–138].

И, наконец, последнее: по имеющейся у нас информации, в кандалы пленники все-таки не заковывались (если, конечно, они не подозревались в совершении серьезных правонарушений или в подготовке к таковым). Правда, есть не вполне проверенные данные о том, что в ходе Войны за независимость США 1775–1783 гг. обе стороны эпизодически содержали пленных в оковах [20, р. 442, 446, 449]. Если это так, то нельзя не заметить, что между американскими и

английскими пленниками все-таки существовала принципиальная разница: первые считались «мятежниками», т. е. преступниками (по крайней мере до 1782 г., когда Британия официально признала находящихся в ее власти американцев «военнопленными»), вторые же – «настоящими военнопленными», т. е. честными защитниками своего отечества.

Резюмируя все изложенное, мы приходим к выводу, что в эпоху раннего Нового времени произошла коренная трансформация всей системы военного плена. Выразилось это как в упразднении прежних институтов и практик (частный плен и выкуп), так и в появлении ряда новых: утверждение принципов гуманности и взаимности, сохранение пленником статуса лично свободного человека, формирование систем межгосударственного и внутрисоциального контроля, регулярные обмены пленными, обязательная послевоенная репатриация и др.

Особо подчеркнем, что перечисленные изменения коснулись преимущественно рядовых солдат. Офицер, правда, избавился от необходимости платить за себя выкуп. Но солдат обрел нечто большее – право на получение самого статуса военнопленного, а фактически – право на жизнь, поскольку ранее из-за своей низкой «выкупной стоимости» он не представлял для захватчика особого интереса.

Нельзя не обратить внимания и на тот факт, что именно экономически развитые державы проявляли особую склонность к разработке новых мер по улучшению положения пленников. Тем самым они создавали дополнительное давление на финансово-экономическую и социально-политическую системы более слабого противника. Но в то же время они вольно или невольно способствовали эволюции права вооруженных конфликтов.

В целях дальнейшего изучения темы военного плена раннего Нового времени представляется целесообразным расширить географические рамки исследования путем широкого привлечения к этой работе отечественных историков, а также сосредоточить внимание на сравнительном анализе режимов военного плена в России и странах Запада.

Список литературы

1. Laliberté R. Prisonniers de guerre et captivité militaire à l'époque de la guerre de Sept Ans. Perspectives Historiques et éléments de compréhension. Dans: Actes du 18e Colloque international étudiant du Département des sciences historiques de l'Université Laval, 21 au 23 février 2018. Québec, Université Laval, 2019. P. 111–130.
2. Lázár B. Turkish Captives in Hungary during Austria's Last Turkish War (1788–91) // Hungarian Historical Review. 2015. Vol. 4. № 2. P. 418–444.

3. Blomqvist O. A Clash of Kings: States, Captives and Loyalties during the Great Northern War. Master Thesis. Stockholm, Historiska institutionen, 2014, 79 p. URL: https://www.academia.edu/43221094/A_Clash_of_Kings_States_Captives_and_Loyalties_during_the_Great_Northern_War (дата обращения: 11.10.2021).

4. McKay A. Private contracting to state control: The British prison hulk establishment, 1776–1820 // In: The Economic History Society. Annual Conference. 5–7 April 2019. Queen's University Belfast, 2019. P. 58–62.

5. Познахирев В.В. Русско-прусский картель 1759 года «О размене и выкупе обеих сторон военнопленных» как памятник права вооруженных конфликтов // Военно-юридический журнал. 2016. № 10. С. 29–32.

6. Brown G.D. Prisoner of War Parole: Ancient Concept, Modern Utility // Military Law Review. 1998. Vol. 156. P. 200–223.

7. Gillingham J. Women, Children and the Profits of War // In: Gender and Historiography. Studies in the Earlier Middle Ages in Honour of Pauline Stafford / Eds. J.L. Nelson, S. Reynolds and S.M. Johns. London: Institute of Historical Research, 2012. P. 61–74.

8. Анисимов М.Ю. Русские пленные в Семилетнюю войну: к постановке проблемы // Изв. Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2021. Т. 3. № 2. С. 5–13.

9. Козлов С.А. Русские пленные Великой Северной войны 1700–1721. СПб.: Историческая иллюстрация, 2011. 413 с.

10. Шебалдина Г.В. Заложники Петра I и Карла XII: повседневный быт пленных во время Северной войны. М.: Ломоносовъ, 2014. 186 с.

11. Martínez-Radio Garrido E.C. Los prisioneros de guerra en el siglo XVIII y la humanidad en el infortunio. En: Verbum. Analecta Neolatina. Tomus XVII. Fasciculus 1–2. Budapest, Balassi Kiadó, 2016. P. 18–52 (на исп. яз.).

12. Crimmin P.K. Prisoners of War and British Port Communities, 1793–1815. The Northern Mariner // Le Marin du nord. 1996. Vol. VI. № 4. P. 17–27.

13. Keep P.V. The public finances: a historical overview // In: Commons Library Briefing, 20 March 2018. House of Commons Library Briefing Paper, no. 8265, 22 March 2018. URL: <https://www.parliament.uk/commons-library> (дата обращения: 07.10.2021).

14. Morieux R. The Society of Prisoners. Anglo-French Wars and Incarceration in the Eighteenth Century. New York: Oxford University Press, 2019. 448 p.

15. Moya Sordo V. Cautivos del corso español. El trato a los prisioneros durante el siglo XVIII // Cuadernos De Historia Moderna. 2019. Vol. 44. № 1. P. 159–179 (на исп. яз.).

16. Познахирев В.В. Военнопленные «на пароле» в России и странах Запада в XVIII веке // Клио. 2020. № 7. С. 32–40.

17. Martínez-Radio Garrido E.C. Españoles prisioneros y cautivos en la Inglaterra del siglo XVIII: una aproximación a su ubicación y condiciones // Revista Universitaria de Historia Militar. 2020. Vol. 9. № 18. P. 43–65 (на исп. яз.).

18. Chinchilla Galarzo A. Mantener la diplomacia en tiempos de guerra: análisis de la figura del comisario de prisioneros de guerra durante la guerra anglo-hispana

(1796–1801) // *Revista Universitaria de Historia Militar*. 2020. Vol. 9. № 18. P. 87–108 (на исп. яз.).

19. Stuke M. *Der Rechtsstatus des Kriegsgefangenen im bewaffneten Konflikt*. Tübingen, Mohr Siebrek Ek, 2017. 523 s.

20. Dzurec D. *Prisoners of War and American Self-Image during the American Revolution // War in History*. 2013. Vol. 20. № 4. P. 430–451.

21. Marquis H. *La Convention et les prisonniers de guerre des armées étrangères // Histoire, économie & société*. 2008. № 3. P. 65–81.

22. Dillon S. *In the Enemy's Hands! The Formation and Evolution of British Prisoner of War Policy During the American Revolution*. URL: https://www.academia.edu/13184967/In_the_Enemys_Hands_The_Formation_and_Evolution_of_British_Prisoner_of_War_Policy_During_the_American_Revolution (дата обращения: 25.12.2021).

23. Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. «Об обращении с военнопленными» // Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним. 5-е изд., доп. М.: Международный Комитет Красного Креста, 2011. С. 66–138.

THE MILITARY CAPTIVITY IN WESTERN COUNTRIES IN EARLY MODERN TIMES: GENESIS AND EVOLUTION OF MAIN INSTITUTIONS AND PRACTICES

V.V. Poznakhirev

The purpose of this article is to reconstruct the process of evolution of military captivity in Western Europe and the United States in the post-feudal period. The methodological basis of the study consisted mainly of historical-comparative and historical-typological methods. In the course of achieving this purpose, the factors that had the greatest impact on the transformation of the medieval model of captivity were identified. The reasons for the abolition of such phenomena as private captivity and ransom were specified. New institutions and practices of captivity, which have not yet been covered in Russian historiography, are systematized and presented. In particular the assertion of the principles of humanity and reciprocity; the preservation of the status of a personally free person by a prisoner; the formation of systems of interstate and intra-state control over the situation of prisoners; their mandatory post-war repatriation, etc. It is emphasized that these positive changes mainly affected ordinary soldiers, who in previous periods were practically unprotected from the arbitrariness of their invaders.

Keywords: detaining power, cartel, combatants, exchange of prisoners, Commissar for prisoners of war, parole, theater of war.

References

1. Laliberté R. *Prisonniers de guerre et captivité militaire à l'époque de la guerre de Sept Ans. Perspectives Historiques et éléments de compréhension*. Dans: *Actes du 18e Colloque international étudiant du Département des sciences historiques de l'Université Laval*, 21 au 23 février 2018. Quebec, Université Laval, 2019. P. 111–130.

2. Lázár B. *Turkish Captives in Hungary during Austria's Last Turkish War (1788–91) // Hungarian Historical Review*. 2015. Vol. 4. № 2. P. 418–444.

3. Blomqvist O. *A Clash of Kings: States, Captives and Loyalties during the Great Northern War*. Master Thesis. Stockholm, Historiska institutionen, 2014, 79 p. URL: https://www.academia.edu/43221094/A_Clash_of_Kings_States_Captives_and_Loyalties_during_the_Great_Northern_War (Date of access: 11.10.2021).

4. McKay A. *Private contracting to state control: The British prison hulk establishment, 1776–1820 // In: The Economic History Society. Annual Conference*. 5–7 April 2019. Queen's University Belfast, 2019. P. 58–62.

5. Poznakhirev V.V. *The Russian-Prussian cartel of 1759 «On the exchange and redemption of both sides of prisoners of war» as a monument to the law of armed conflicts // Military-Legal Journal*. 2016. № 10. P. 29–32.

6. Brown G.D. *Prisoner of War Parole: Ancient Concept, Modern Utility // Military Law Review*. 1998. Vol. 156. P. 200–223.

7. Gillingham J. *Women, Children and the Profits of War // In: Gender and Historiography. Studies in the Earlier Middle Ages in Honour of Pauline Stafford / Eds.*

J.L. Nelson, S. Reynolds and S.M. Johns. London: Institute of Historical Research, 2012. P. 61–74.

8. Anisimov M.Yu. *Russian prisoners of war in the Seven Years' War: to the formulation of the problem // Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical sciences*. 2021. Vol. 3. № 2. P. 5–13.

9. Kozlov S.A. *Russian prisoners of the Great Northern War 1700–1721*. St. Petersburg: Historical Illustration, 2011. 413 p.

10. Shebaldina G.V. *Hostages of Peter I and Charles XII: everyday life of prisoners during the Northern War*. M.: Lomonosov, 2014. 186 p.

11. Martínez-Radio Garrido E.C. *Los prisioneros de guerra en el siglo XVIII y la humanidad en el infortunio*. En: *Verbum. Analecta Neolatina. Tomus XVII. Fasciculus 1–2*. Budapest, Balassi Kiadó, 2016. P. 18–52 (in Spanish).

12. Crimmin P.K. *Prisoners of War and British Port Communities, 1793–1815. The Northern Mariner // Le Marin du nord*. 1996. Vol. VI. № 4. P. 17–27.

13. Keep P.B. *The public finances: a historical overview // In: Commons Library Briefing*, 20 March 2018. House of Commons Library Briefing Paper, no. 8265, 22 March 2018. URL: <https://www.parliament.uk/commons-library> (Date of access: 07.10.2021).

14. Morieux R. *The Society of Prisoners. Anglo-French Wars and Incarceration in the Eighteenth Century*. New York: Oxford University Press, 2019. 448 p.

15. Moya Sordo V. *Cautivos del corso español. El trato a los prisioneros durante el siglo XVIII // Cuadernos De Historia Moderna*. 2019. Vol. 44. № 1. P. 159–179 (in Spanish).

16. Poznahirev V.V. Prisoners of war «on the pass-word» in Russia and Western countries in the XVIII century // *Clio*. 2020. № 7. P. 32–40.
17. Martínez-Radio Garrido E.C. Españoles prisioneros y cautivos en la Inglaterra del siglo XVIII: una aproximación a su ubicación y condiciones // *Revista Universitaria de Historia Militar*. 2020. Vol. 9. № 18. P. 43–65 (in Spanish).
18. Chinchilla Galarzo A. Mantener la diplomacia en tiempos de guerra: análisis de la figura del comisario de prisioneros de guerra durante la guerra anglo-hispana (1796–1801) // *Revista Universitaria de Historia Militar*. 2020. Vol. 9. № 18. P. 87–108 (in Spanish).
19. Stuke M. *Der Rechtsstatus des Kriegsgefangenen im bewaffneten Konflikt*. Tübingen, Mohr Siebrek Ek, 2017. 523 s.
20. Dzurec D. Prisoners of War and American Self-Image during the American Revolution // *War in History*. 2013. Vol. 20. № 4. P. 430–451.
21. Marquis H. La Convention et les prisonniers de guerre des armées étrangères // *Histoire, économie & société*. 2008. № 3. P. 65–81.
22. Dillon S. In the Enemy's Hands! The Formation and Evolution of British Prisoner of War Policy During the American Revolution. URL: https://www.academia.edu/13184967/In_the_Enemys_Hands_The_Formation_and_Evolution_of_British_Prisoner_of_War_Policy_During_the_American_Revolution (Date of access: 25.12.2021).
23. The Geneva Convention of August 12, 1949 «On the treatment of prisoners of War» // *The Geneva Conventions of August 12, 1949 and their Additional Protocols*. 5th ed., supplement. M.: International Committee of the Red Cross, 2011. P. 66–138.